

Геннадий Киселев

Последний забор

Геннадий Васильевич Киселев

Последний забег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51080139

*Последний забег / Г. В. Киселев: Издательство ИТРК; Москва; 2019
ISBN 978-5-88010-565-6*

Аннотация

Книга написана простым и доступным языком. Автор с юмором и любовью описывает в своих рассказах советскую действительность, жизнь простых людей, колхозников, врачей и рабочих. Автор не просто писатель, он действующий хирург с большим опытом работы, и на страницах этой книги он вспоминает забавные и поучительные истории из своей врачебной практики и жизни за рубежом.

Книга будет интересна широкому кругу читателей, так как в ней затронута тема исследований эпидемиологии и патогенеза рака и размышления автора об этой проблеме.

Содержание

Последний забег	4
Загранкомандировка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Геннадий Киселев

Последний забег

Последний забег

Скорая медицинская помощь приехала через десять минут. Еще оставалась тревога, небольшой дискомфорт за грудиной. Но при виде уверенного в себе врача я успокоился, так как сам я тоже был врач-хирург с большим стажем. Боль за грудиной практически исчезла.

– Все-таки придется вам проехать с нами в кардиологическое отделение, – сказал врач.

Он быстро связался с центропунктом. Получил место в городской клинической больнице Москвы, и бригада скорой медицинской помощи доставила меня в кардиореанимацию.

Вот где испытал я недоумение при виде убогости, запущенности лечебного учреждения. Грязь кругом: грязное белье, опухшие толстые тетки в засаленных и мятых халатах, молодые доктор и медицинский работник среднего звена, очевидно студент, оба еще опухшие после сна, быстренько со мной разобрались. Я и десяти минут не полежал на грязных простынях, как меня, сняв электрокардиограмму, пешком отправили в соседний корпус.

Там я убедился, что такое финансирование по остаточности

му принципу! Коридоры застелены рваным, в грязных пятнах линолеумом, сгнившие рамы на окнах, два унитаза на этаж (а больных шестьдесят человек!), развалившаяся кафельная плитка на полу в туалетах, антисанитария такая, что не поддается описанию. Как больному человеку справиться нужду? Даже у здорового человека такие условия вызвали бы отвращение. Воочию можно убедиться, как современные интеллигентные люди теряют здесь человеческое достоинство.

Да разве только к россиянам такое отношение! Видел как-то в Третьяковке в вестибюле бежит француз с сумасшедшим взглядом. По его поведению трудно понять, чего же он хочет, постоянно повторяя: «Бумагу, бумагу!» Оказалось, в туалете нет туалетной бумаги. И только по настоятельной просьбе дежурный администратор отмотала метр туалетной бумаги, и «бедный» француз, потный и бледный от недержания, получая туалетную бумагу, как Нобелевскую премию, без торжественной речи моментально исчез в проеме туалетной комнаты.

Понятно, здесь не высокохудожественное учреждение, но для ходячих, лежащих и едва дышащих больных условий нет абсолютно никаких.

Вот лежит старый, небритый, запущенный человек. Он давно уже не встает с постели, памперсы присохли к телу так, что отрываются только с кожей. Такой запах стоит, что все выбегают из палаты, зажав нос. Но я как бывший врач должен закончить дело, помыть и покормить старика, муже-

ства не занимать – ведь Афганистан и Ирак за плечами. Ухаживаю за стариком, а в ушах постоянно звучит: «В медицине будут первыми первого МОЛМИ выпускники». Это слова из гимна: Первого Московского медицинского института им. Сеченова.

Вот так приходится больным обслуживать себя и соседей по палате, а в палате шесть человек. Дежурную медсестру практически найти невозможно, днем она мелькала, а вот к вечеру вообще испарилась. Удивительно, но в нашей палате оказалось два доктора-пациента – я и еще один доктор-терапевт.

– Утром придет, – сказал сосед по палате, доктор-терапевт, помогавший мне ухаживать за больным.

Утром появилась дежурившая медицинская сестра, поблагодарила нас за хорошую работу и сказала:

– Зря старались, рано утром дедушку отвезли в морг.

При этом она объяснила, что дочь положила старика в больницу умирать, заплатив кому-то. Медсестра рассказала, что сама она живет в Смоленске, за 400 километров от Москвы, а платят медперсоналу мало, поэтому они так плохо и относятся к больным и своей «любимой» работе.

Наши попытки взывать к ее совести, долгу, порядочности, ответственности успеха не имели. Маленькие дети, алкоголик-муж, мизерная зарплата, половина которой уходит на коммунальные платежи и оплату за транспорт, – все эти факторы заглушили муки совести.

После того как в палате запахло революционной ситуацией, мы выпустили пар и, забившись под одеяло, со страхом стали ждать обхода врачей.

Скоро и обед. Его почти никто не ждет, со вчерашнего дня родственники натаскали продуктов, благо, что есть холодильники в некоторых палатах. Можно сказать, что нам повезло, в нашей палате стоит урчащий, дребезжащий динозавр. И он работает!

Ждем обхода, забившись под одеяла, а обхода все нет. Вот уже и больных позвали на обед, и они со своими кружками и ложками побрели по коридору отделения в столовую.

– Вам что-то это напоминает? – обратился ко мне доктор, сосед по палате.

– Напоминает кадры из фильмов о заключенных, – буркнул я, отвернувшись лицом к стене и стал вспоминать и сравнивать, в каких из них отражены более тяжелые условия жизни.

На память пришел сюжет об испанском коммунисте, в котором на протяжении всего фильма жена вяжет шаль, а мужа ежедневно избивают, привязывая за ноги вниз головой, и в конце фильма убивают. Этот фильм по жестокости и ужасам тюрьмы не мог быть сравним ни с каким другим. Мировая общественность на это закрывала глаза.

А как в свое время всех потряс фильм «Один день из жизни Ивана Денисовича». Сколько шума, сколько визга тогда подняли на Западе. А в нем самая страшная сцена, когда заключенный находит в супе рыбий глаз.

Пересказав свои размышления соседу по палате, я предупредил, что сегодня на обед нас ждет рыбный суп.

– Неужели? – спросил сосед. – Что, неужели так страшен был рыбный суп? Ведь уху варят не только в России?

Я успокоил соседа.

Вот и обед, а обхода все нет. Все переспрашивают друг у друга, а можно ли идти на обед, ведь отделение-то кардиологическое, неужели все больные госпитализированы в это отделение по гипердиагностике врачей скорой медицинской помощи? Почему тогда у всех больных с собой нитроглицерин и так часто все его принимают?

Ну вот, слава богу, дошли до столовой, на постах отделения медперсонала нет.

Сосед мой по палате, доктор-терапевт, с ним мне спокойнее, говорит:

– Э, милый друг, вы здесь еще и не такое увидите. А рыбы глаза покажутся вам манной кашей.

Следующие два дня я лежал в кровати, ждал обхода врачей, с ужасом вспоминая рыбный суп, и ждал манную кашу.

Сосед по палате, доктор-терапевт, рассказал нам историю о другом кардиологическом отделении, где он лежал неделю назад.

В приемном отделении ему сразу же предложили подписать контракт на установление двух стентов в сердце. Стенты устанавливают в коронарные артерии при нарушении кровотока.

Подписав контракт, его быстро повезли на коронарографию, правда, после приступа стенокардии прошло уже более двух суток, но доктор и сам хотел убедиться, в каком состоянии его коронарные артерии, поскольку иногда отмечал боли в позвоночнике.

Во время коронарографии он убедился, что его коронарные артерии в отличном состоянии. Тут же, глядя на экран монитора, он спросил у лечащего врача, проводившего обследование, куда бы он хотел поставить стенты, ведь коронарные артерии у него отличные, а контракт уже подписан на их установку. И врач, проводивший обследование, объяснил, как коллега коллеге, что это недоразумение.

Рассказ свой он закончил, но у этой истории было продолжение.

Пролежав три дня уже в этом кардиологическом отделении, мы с доктором-терапевтом поняли некоторые хитрости с контрактом на установку и стентирование.

Помог нам разобраться в этом больной, страдающий от болей в большом пальце ноги. Узнав, что рядом с ним лежат два доктора, он предложил нам посмотреть на свой больной палец. Развязав повязку, я как хирург, понял что у него диабетическая ангиопатия с сухой гангреной пальца, и его нужно срочно оперировать.

– Почему же вас до сих пор не оперировали? – спросил я у больного.

– Да говорят, что сердце плохое. Неделю назад поставили

два стента в сердце, дочка заплатила 90 тысяч рублей, – пояснил больной.

– Помилуйте, ведь за один стент берут 30 тысяч, почему же с вас взяли больше? И почему вначале не вылечили палец? Что, у вас сердце болело, был инфаркт? – спросил я.

– Да нет, я поступил с сильными болями в пальце, кость уже как сейчас торчала, да и диабет у меня, – ответил больной.

После наших возмущений больного прооперировали на следующий же день.

И как понять действия медиков? Похоже, там все поставлено на поток, да и деньги крутятся немалые.

– Эта грустная история вам что-то напоминает? – спросил доктор-терапевт и закрылся одеялом.

Через некоторое время, высунув голову из-под одеяла, я решил рассказать свою невеселую историю.

– Всю жизнь, – начал я свой рассказ, – дружил со спортом, а последние дни перенес большие нагрузки моральные и физические, но всегда надеялся на свое сердце. Скорее всего это и привело к госпитализации в кардиологическое отделение, но чувствовал я себя абсолютно нормально. Анализы, кардиограмма, коронарография не позволяли усомниться в отсутствии патологии со стороны сердца...

Попал я по «скорой» в другую больницу. Пролежал три дня, и меня должны были выписать.

Вошел в палату лечащий врач и предложил мне пройти

стресс с нагрузкой, я, уверенный, что все будет нормально и меня сразу же выпишут, согласился.

С десяти утра хожу по отделению, жду, когда же меня пригласят на этот стресс-код. Но вот уже и обед скоро, а специалиста все нет, а это значит, что придется остаться в больнице еще на сутки, ведь после обеда больных не выписывают.

Так в тревоге и раздумьях расхаживал я по коридору отделения. Встретив мимо пробежавшего куда-то доктора, спросил у него:

– А что же за специалист проводит это обследование – стресс с нагрузкой – и где его найти?

Доктор, указав мне пальцем на дверь, побежал дальше. И куда они все бегут, подумал я и тихонько постучал в указанную мне дверь, не услышав ответа, приоткрыл ее.

Сидевшая за компьютером и печатающая молоденькая девушка в белом халате строго сказала:

– Закройте, пожалуйста, дверь с другой стороны.

– Позвольте, я только хотел спросить, не вы ли проводите стресс с нагрузкой? – уточнил я.

– Закройте дверь, – рявкнула она. И я, смутившись, пролепетал:

– Простите, но я ваш коллега, врач-хирург, и хотел бы узнать, будете ли вы проводить мне стресс с нагрузкой?

– Я вам сказала – закройте дверь с другой стороны! – последовал грубый ответ.

Закрыв дверь, увидел идущую по коридору заведующую

терапевтическим отделением.

– Ну что, коллега, уже прошли пробу с нагрузкой? – спросила она. Я объяснил ситуацию и небольшой конфликт с молодым специалистом. Она попросила меня пройти к кабинету, где выполняются пробы с нагрузкой, и подождать там.

Не прошло и двух минут, как я увидел быстро выходящую из кабинета молодую докторшу, словно летящую на крыльях, в развевающемся красивом платье, выглядывающем из-под медицинского халата, в лаковых черных туфельках, оставляющих за собой немислимую пунктирную линию.

Подойдя к кабинету, она резко бросила:

– Заходите! – и влетела в кабинет свежим ветром.

А ветер, исходящий от нее, скорее напоминал начинающийся морской шторм.

– Вставайте на беговую дорожку! – скомандовала она.

Я встал.

Она обвешала меня проводами, как новогоднюю елку, и сказала:

– Скорость восемь километров в час, побежали.

В неспортивной обуви довольно тяжело бежать, дорожка накатывает на тебя, и надо сориентироваться, чтобы весь свой опорно-двигательный аппарат синхронизировать со скоростью дорожки. Первые две-три минуты меня охватила паника. Неужели не смогу? Цепляясь обувью за ленту бегущей дорожки, кое-как синхронизировал свой бег со скоростью бегущей дорожки. Дыхание вначале восстановить не

удавалось. Но я с упорством продолжал бежать, несмотря на совсем небольшую одышку. Доктор не заметила одышки либо не хотела ее замечать. Бегу десять минут, пульс 140 ударов в минуту, давление 180 миллиметров ртутного столба. Вижу эти показания краем глаза на мониторе. Продолжаю бежать. Юная доктор молчит, и я понимаю, что надо продолжать бег. Терплю, знать бы, сколько еще осталось бежать? А сам вспоминаю кроссы по полигону в Алабине, лыжные гонки, и мне становится стыдно за свою слабость. Ведь всегда был первым, бежал впереди всех.

Мои воспоминания прервал резкий голос доктора.

– Закончили, – сказала она, выключив беговую дорожку. Свернула все пленки с записями моего бега и ушла, не сказав ни слова.

Больше ее я никогда не встречал. Через час в палату зашла заведующая кардиологическим отделением, вручила выписку из истории болезни и сказала, что сердце мое пока в порядке, стресс с нагрузкой выполнил удовлетворительно. Вот такая история.

А через час я был выписан и из этой больницы. История повторилась. Попрощавшись с соседом по палате, я через час уже ехал на дачу за рулем автомобиля. Я опять ехал на дачу и мысленно прокручивал в памяти очередную историю, случившуюся со мной и соседом-диабетиком, представляя на моем месте обычного гражданина. Вот его бы уж точно,

как говорят, залечили бы. Хорошо, что в палате на больничной койке рядом с ним оказались два доктора. Я задумчиво ехал в потоке машин, думая о том, что, не окажись мы там вовремя, плохо бы ему пришлось.

Загранкомандировка

Мастер золотые руки, Василий Иванович, варивший художественные швы любой сваркой, однажды варил крыло «Жигулей» Ивану Петровичу, работнику министерства. Иван Петрович, посмотрев на сваренное крыло, после окончания работы сказал:

– Василий Иванович! Много я поездил по белу свету, работал в посольствах СССР и разных стран мира, но такой великолепной работы не видел. Видел ювелирную работу армян в странах Востока, в Китае и в просвещенной Европе, но чтобы такое исполнение... такое чудо увидел впервые. Такой работы нигде не встречал. Вам бы, дорогой, за границей свой опыт передавать, особенно в странах развивающихся. Чтобы они посмотрели, какие у нас мастера есть.

Поскольку я работаю Министерстве иностранных дел, могу вас отрекомендовать для работы в наших посольствах за границей. Вот возьмите телефон кадровика, зовут его Василий Михайлович, он вам поможет, тем более он ваш тезка.

– Все, ребята, кончаем работу – уезжаю за границу, – объявил на работе Василий Иванович.

– Вася, дорогой, – отвечали ему коллеги по гаражу. – Там все по благу да за взятки. Не с твоим носом за границу ехать, пусть у тебя и золотые руки. Взятки ты не знаешь как давать, нос, как у всех, курносый.

Утром Василий Иванович позвонил референту Василию Михайловичу и сказал, что его рекомендовал сотрудник министерства Иван Петрович.

В десять часов утра Василий Иванович был на приеме у Василия Михайловича.

– Присаживайтесь. Кем работаете? Что умеете? Как жена? Как дети? Член ли вы КПСС? – стал задавать вопросы референт.

Вспотел Василий Иванович и думает про себя, какая тяжелая работа у этого чиновника. Уж если я вспотел ему отвечать, как же тяжело ему работать и весь день задавать такие вопросы.

Вспомнил Василий Иванович, что говорили ему ребята в гараже:

– Дай ему на лапу, и все вопросы будут решены.

А как дать, если никогда не давал?

Начал он рассказывать, как нужно варить сварные швы, какие виды сварок есть.

– Не утомляйте вы меня, Василий Иванович, я в этих вопросах не силен, – прервал его Василий Михайлович.

А Василий Иванович продолжает рассказ о качестве работы, о семье, о доме и в итоге заканчивает словами:

– Работаем как дома, как для себя. Секретарша шепчет референту на ухо:

– Пора обедать.

А Василий Иванович все продолжает рассказывать о ра-

боте, о сварном шве.

Ему уже прямо говорят:

– Обед, Василий Иванович, пора заканчивать.

А он им в ответ:

– Работаем как дома, как для себя.

Усталый Василий Иванович вернулся домой. Весь оставшийся день только и разговоров было, что о заграникомандировке.

Долго не мог он уснуть, а когда уснул, снилась ему далекая жаркая Африка. И во сне он усталый, под палящим солнцем идет домой, а темнокожие дети и взрослые стоят, смотрят ему вслед и тихо шепчут:

– Мастер Василий, великий русский мастер, гранд мастер...

Через месяц позвонил референт Василий Михайлович и ответил довольно суровым голосом:

– Понимаете, нам нужны не сварщики, а кузнецы.

Василий Иванович вспомнил детство, когда он работал подручным кузнеца, и глухо сказал:

– Эта профессия мне еще ближе. Могу и кузнецом.

Почему, подумал Василий Иванович, он предложил мне вакансию кузнеца? Может быть, при первой встрече я ему так крепко пожал руку, что хрустнули его нежные косточки, ведь советовали мне дать на лапу, а я, дурень, вместо того чтобы держать сотенную в руке, переусердствовал. Как же теперь дать на лапу?

Через час Василий Иванович был на приеме у Василия Михайловича. Вежливо поклонившись, он протянул руку референту, тот опасливо покосился на протянутую руку и с небольшой задержкой пожал руку Василию Ивановичу.

Василий Иванович нежно подержал в своих медвежьих лапах «золотую руку» референта и вспомнил ночной сон «Василий Великий мастер».

Кадровик с трудом вытащил свою руку из медвежьих лап Василия Ивановича и вежливо, с чисто дипломатическим этикетом, попросил зайти в следующий раз.

Через два дня Василий Иванович был снова в его кабинете и так же вежливо и нежно жал руку Василию Михайловичу.

Василий Михайлович в сердцах воскликнул:

– Какой же вы кузнец, руку пожать не можете как следует.

И снова Василий Иванович смущенно удалился после слов:

– Зайдите в следующий раз.

Долго собирался Василий Иванович зайти к своему тезке – Василию Михайловичу. Множество вариантов своего входа в кабинет передумал, но так и не решил, каким образом покорить Василия Михайловича. Собрался опять на прием, не слушая бедовых, нахрапистых парней, предлагающих положить в пятерню сторублевку, а на их языке «дать на лапу», для крепости рукопожатия.

Василий Иванович робко вошел в кабинет.

Василий Михайлович, улыбаясь, поднялся навстречу.

Василий Иванович так надеялся, что это его счастливый день и что все мучения позади.

– К сожалению, Василий Иванович, нам нужны садовники, а вы то электросварщик, то кузнец. Уважаемый Василий Иванович, мой вам совет – не жмите мне так сильно руку. До свидания и прощайте, уважаемый Василий Иванович, – сказал Василий Михайлович.

Безуспешно пытался звонить референту «Великий мастер», секретарша неизменно отвечала, что он занят или на совещании.

Уже перестала сниться Василию далекая Африка, как вдруг нечаянно он встретил Ивана Петровича из министерства.

Иван Петрович при встрече удивился:

– Так вы еще не в Африке?

И поведал тогда ему «Великий мастер» о своих похождениях в Министерство иностранных дел, рассказал, как крепко жал руку кадровику и какую счастливую жизнь он прожил в своих сновидениях, а на прощание сказал:

– Спасибо вам большое за эти сны, за эти встречи, только теперь я понял, какое это искусство «ДАТЬ НА ЛАПУ».

* * *

Прошло два года. Василий Иванович продолжал, как называют теперь, «прокачивать машины». Из старых, ржавых

авто он создавал блестящие краской и лаком шедевры.

Целыми днями шпаклевал, полировал бока машин своими огрубевшими, потрескавшимися руками.

Особенно трудно было ему работать зимой в холодные, морозные дни.

Вот тогда опять ему вспоминались сны о жаркой Африке, о том, как бы его там ценили и какой он Великий мастер.

Ребята подшучивали: «Тебе бы в Африку сейчас, Василий Иванович, там тепло».

Василий Иванович только вздыхал и продолжал окоченевшими руками откручивать гайки на старом «Опеле» клиента.

Как-то в полдень приходит клиент. Только сели рабочие пообедать, взяли водки, колбасы, пару соленых огурцов. Не успели выпить, заходит клиент и говорит:

– В такой мороз как только вы работаете?

– А мы с «подогревом», – отвечают ему.

– Ну, если с «подогревом», то у меня в гараже литр виски. Давайте вместе погреемся, я из Швейцарии привез, так и лежит.

Василий Иванович все мечтает:

– А в Африке сейчас тепло...

Все рабочие смеются:

– Все бы тебе про Африку, Василий Иванович. Один раз ты уже там «поработал» и два года забыть не можешь.

После хорошего «подогрева» и наслушавшись небылиц,

клиент говорит:

– Конфетку из моей машины вы, Василий Иванович, сделали. А что, действительно вас в Африке называли «Мастер золотые руки»?

Василий Иванович засмутился, скромно промолчал, а ребята рассказали о том, сколько мучений и унижений перенес Василий Иванович, собираясь в Африку.

– Знаете, дорогой мастер, сейчас в нашем посольстве в Швейцарии нужен квалифицированный рабочий, вот такой мастер на все руки туда и подойдет. Завтра приходите в кадры МИД, референт даст вам анкету, и вперед в Швейцарию.

Почесал затылок Василий Иванович и говорит:

– Не с моими лапами в МИД идти, там не знаешь как руку пожать: сильно, от чистого сердца, по-рабочему – кости трещат. Слабо пожмешь – не подходишь по профессии, дать в лапу – как-то ухитриться надо. Может быть, я варенья малинового принесу, как на «Поле Чудес» Якубовичу?

Клиент, раскрасневшись от мороза и «подогрева», отвечает.

– Все беру под свой контроль, ни о чем не беспокойтесь, а малиновое варенье, если будет, отправьте на «Поле Чудес» к Якубовичу.

После ухода клиента ребята говорят:

– Повезло тебе, Африканец, видно, большая шишка этот твой хозяин «Опеля».

Как сказал клиент, так и вышло.

Прилетел Василий Иванович в Берн с женой и внуком. Чистейший европейский городок. Трамвай-ресторан по улицам ходит. А внук Василию Ивановичу и говорит:

– Почему он так плавно ходит, а не делает «ды-дых, ды-дых»? Дед объясняет внуку:

– Нет таких морозов, как у нас, и рельсы сварены стык в стык, вот тебе и наше «ды-дых».

– Круто, – сказал внук.

А через два месяца внук уже свободно общался с ребятами на швейцарском дойч и довольно быстро стал лидером, сколотив шайку из малолетних местных ребят до тринадцати лет.

Василия Ивановича поселили в швейцарской пятиэтажке, похожей на нашу хрущевку, только кухня немного пошире. Ответственный по дому Хаусварт, комендант дома, командует:

– Ночью не шуметь, стиральные машины включать только днем, никакой музыки в вечернее время, да и днем чтобы ее не было слышно.

Внук Алеша сразу сказал:

– Супер, клево, вот это концлагерь!

Через две недели Алеша собрал местных ребят, коротко объяснил, что они должны подчиняться только ему. На первое время он поручил им опустошать келлерные, где в подвальных помещениях хранятся вещи этих буржуев. И весь тихий, спокойный город встал на уши. Не было краж, мел-

кого воровства, и вот пошло.

Швейцарские дети под руководством Алеши уводили велосипеды, мопеды, телевизоры, лыжи и прочую утварь из келлерных, велосипеды от магазинов.

Более года русский 12-летний мальчишка командовал воровской шайкой бернских 10—12-летних подростков.

Полиция вышла на след подростков совершенно случайно. И Алешу срочно отправили в Россию с бабушкой. А Василий Иванович остался один. Переживал, долго не верил, что такие способности у внука. Ведь надо же какие способности проявил мальчик в познании языка и в управлении несовершеннолетними разбойниками, кстати, из очень обеспеченных бернских семей.

Запил Василий Иванович. Не очень чтобы сильно запил, голова всегда оставалась светлой, но под легким наркозом находился почти всегда.

От Алеши у Василия Ивановича остался велосипед, на котором он разъезжал спокойно по Берну. Вначале пришлось ему столкнуться с большой проблемой. Много машин он вернул к жизни, а вот правила уличного движения не изучил. Не мог он понять, почему в Швейцарии эти правила для водителей машин одни, а для велосипедистов другие. И почему они отдельно провели дороги пешеходные, велосипедные и автомобильные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.